

Потехин Алексей Антипович

**После освобождения:
Рассказы из крестьянского
быта**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Антипович П.**
После освобождения: Рассказы из крестьянского быта: Том 1 / Потехин
Алексей Антипович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 406 с.

ISBN 978-5-519-79322-3

ISBN 978-5-519-79322-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ХАЙ-ДѢВКА.

ПОВѢСТЬ.

I.

У богатаго торговаго крестьянина деревни Барашихи, Дмитрія Петрова, единственная дочь, Татьяна, года два уже считается невѣстой. Не налюбуется на нее досыта вся деревенская молодежь. Рѣдко задаются такія дѣвки: высокая, коренастая, здоровая, сильная—сейчасъ видно, что не заморышъ, не на однихъ пустыхъ щахъ выросла, а что ей не въ диковинку ни пирогъ съ начинкой, ни баранина. Румянецъ у Татьяны во всю щеку, коса на спинѣ ниже пояса, лицо гладкое, широкое, какъ булка сдобная, правда пестритъ лѣтомъ отъ веснушекъ, да это не въ зазоръ красѣ дѣвичьей; глаза хотъ и маленькіе, и сердитые, зато бѣда какіе юркіе: смѣлые, бойкіе, и брови надъ ними дугой, точно нарисованныя. На языкъ Татьяна куда востра: какой бы ни былъ парень ловкій, разухабистый,

хоть бы питерець, а на словахъ ее не собьетъ и въ краску не вгонить: сама всякаго по косточкамъ переберетъ и на смѣхъ подниметъ. А если кто изъ парней, залюбовавшись на ея красу дѣвичью, на грудь высокую, богатырскую, по мужицкой привычкѣ, рукамъ волю дастъ, того такъ на-отмашь огрѣетъ, что твой добрый сотскій, или староста: въ другой разъ не присунется. Веселье да смѣхъ Татьяна точно носила съ собой: куда не придетъ, тамъ и смѣхъ, и прибаутки, и пѣсни, и пляска пойдутъ. А какъ нарядится въ праздничный день: вплететъ въ косу ленту цвѣтную, надѣнетъ рубашку кисейную, сарафанъ шелковый, еще бабушкинъ, да башмачки сафьянные, красные, такъ парни за ней, точно стая на сворѣ, такъ и бѣгаютъ; пойдеть въ хороводъ, никто лучше ея голосомъ не выведеть; пѣсни играть вздумаетъ, откуда что берется! и старыя всѣ знаетъ, и новыя выдумываетъ: такія отхватываетъ, что и женатые, и старики даже сойдутся иной разъ смотрѣть да слушать, и только въ бороду себѣ посмѣиваются; на качеляхъ качаться начнетъ, такъ этакой смѣлости да силы не у всякаго и парня станетъ; смотрѣть духъ захватываетъ, того и жди, что черезъ перекладину перелетить, или веревка лопнетъ: только скрипъ идетъ, да красные башмачки сверкаютъ въ воздухѣ. Вся деревня Танюхой любовалася и хвастала, на всю округу слава про нее прошла: даже изъ чужихъ деревень парни ходили, о праздникахъ, только посмотрѣть на нее, и нарочно дружбу заводили

съ барашихинскими ребятами, чтобы въ кругъ пускали: съ Танюхой попѣть да походить. И то чудное дѣло: всѣ Татьяну знали, всѣ про нее говорили, всѣ къ ней льнули, а не любили ее; ужъ очень она языкомъ ехидна была и правомъ задорлива, супротивна: всякаго просмѣть, прозубоскалить, все про всѣхъ знаетъ и на язычекъ свой подхватить, никому не поступится, а ужъ коли въ брань дѣло пойдетъ, лучше и не вступайся: безъ ножа зарѣжетъ, на всю жизнь просмѣть, такую мѣтку положить, что такъ съ ней и останешься, и въ гробъ пойдешь. И какихъ-какихъ она людямъ прозвищъ не давала; почитай всѣ въ деревнѣ, по ея милости, съ фамиліями сдѣлались: Ивана, что у попа въ работникахъ былъ, Кутьей назвала; Василья, что шея длинная, Гусемъ сдѣлала, кого Маклакомъ, кого Сычемъ, кого Квашней; да такъ мѣтко, такъ складно, съ такой прибауткой, что поневолѣ подхватишь, и пойдетъ человѣкъ съ новымъ именемъ вмѣсто крестоваго. И народъ въ отместку прозвалъ Татьяну, за веселость, за бойкость, за размахку, за языкъ ея длинный, неуступчивый, за голосъ звонкій, за ростъ и дородство — прозвалъ Хай - дѣвкой. Такой бы дѣвкѣ, самой по себѣ, да и по семьѣ ея богатой, давно бы замужемъ надо быть, да что-то мало сватовъ ѣхало: нраву ли ея боялись женихи и ихъ отцы и матери, или то думали, что богатый мужикъ погнушается бѣдной родней и не отдастъ дочку въ бѣдную семью, а въ чужой домъ идти, приязниться, не всякому лестно; богатыхъ

же жениховъ, и во всемъ по плечу Татьянѣ и Дмитрію Петрову, было мало: какъ ни какъ, а Танюха третій годъ сидитъ въ дѣвкахъ. Правда, отецъ съ матерью и не торопились отдавать ее замужъ: одно дѣтище, да и нужды никакой не знали; Татьяна сама дала замѣтить отцу, что пора ему подумать о выборѣ жениха. Среди всѣхъ мужиковъ и парней въ деревнѣ, надъ которыми она потѣшалась и зубы свои вострила, былъ одинъ, на котораго и она лишній разъ взглядывала. Мужика этого звали Илюхой.

Сынъ богатаго торговца - мужика, прогорѣвшаго отъ какаго-то неудачнаго торговаго предпріятія, Илья половину жизни своей проводилъ въ Петербургѣ, занимаясь торговлей въ разное, по домамъ, всякой всячины, а больше всего деревенскихъ холстовъ и полотенъ. Уда-лой, бойкій и расторопный отъ природы, Илья являлся въ деревню разухабистымъ краснобаемъ-питерцемъ. Женили его, только минуло ему 18 лѣтъ, на дѣвкѣ, которая пятью годами была старше его и не отличалась ни умомъ, ни ростомъ, ни дородствомъ. Въ деревнѣ всѣ знали, что онъ не любилъ ея. Молодой еще, хоть и женатый, не столько красивый, сколько соблазнительный для деревенскихъ красавицъ своей шляпой пуховою, плисовыми шароварами, жилетомъ расписнымъ и серебряной сережкой въ ухѣ, онъ затмѣвалъ поголовно всѣхъ своихъ сверстниковъ и даже молодыхъ парней: и смѣлымъ взглядомъ, и дерзкой, насмѣшливой рѣчью, и всей своей повадкой городской. Слава про Илью

ходила въ деревнѣ плохая: онъ и пьяница, онъ и мотъ, и картежникъ, и отъ жены гуляетъ, пожалуй, и сплутуетъ безъ нужды, но на гулянкахъ, на пирушкѣ, или въ хороводѣ, между парней и дѣвокъ, онъ былъ первый человѣкъ и игралъ почти такую же роль, какъ Татьяна. Разница была только въ томъ, что, при веселости и удали характера, при бахвальствѣ и краснбайствѣ, Илья отличался какой-то доступностью, добродушіемъ: обругаетъ человѣка, позубоскалитъ надъ нимъ, но до сердца не обидитъ; побахвалится, наломается надъ своимъ братомъ, да тутъ же и угоститъ наровитъ. Его всѣ любили. Дѣвки и бабы въ немъ души не слышали, и еслибы не зазорно было, пожалуй, такъ же бѣгали бы за нимъ стаями, какъ парни за Танюхой. Среди круга ходить съ Ильей каждая красная дѣвица считала не только за удовольствіе, но и за особенную честь, потому никто не умѣлъ такъ голову склонить, такъ шляпу надѣть, такой поклонъ отдать, такъ плечемъ повести и платочкомъ махнуть, никто не могъ ногами такого выверта сдѣлать, какъ Илюшка-питерець. И вотъ, бывало, любованье на всю деревню, и молодымъ, и старымъ, какъ среди круга стануть да пойдутъ Илья съ Татьяной: одинъ сухой да жилистый, кажись, каждая косточка въ немъ вздрагиваетъ, каждый суставчикъ разговоръ ведетъ; другая—точно лебедь бѣлая плаваетъ.

Мудрено ли, что въ деревнѣ толки и разговоры пошли:

— Танюха въ кругу больше все съ Ильей стоять!

— Илюхѣ счастье: облапилъ Танюху, только вывернулась, да отмахнулась, зардѣлась, а не ругается, даже—ни-ни!..

— Илюха нынче въ Питерѣ грибомъ смышленымъ торговать будетъ: слышно съ Танюхой вмѣстѣ въ лѣсъ по грибы ходять, къ зимѣ, значить, запасаютъ: видѣли!..

Стали разные слухи и до матери Татьяниной доходить, слухи неясные, неопредѣленные, но для материнскаго чутья понятные.

Забѣжала къ ней какъ-то сосѣдка, баба старая, сварливая, надоѣдница.

— Матрена Поликарповна, одолжи, говорить,— пудикъ мучки... Отдамъ, ось, съ нови...

— Знаемъ мы васъ, отдавальщиковъ, отвѣчаетъ мать Татьяны, Матрена Поликарповна.— Взять-то всякій, а отдать-то никто.

— Одолжи, полно... Ось отдадимъ... Мой-отъ разбойникъ поѣхалъ, вѣдь, въ городъ съ деньгами, обѣщалъ куль привезти, да вотъ и съ деньгами-то пропалъ... а дома квашни растворить нечѣмъ.

— То-то вотъ и есть: меньше бы пьянствовали... У большака-то моего вонъ въ амбарѣ-то всѣ стѣны крестами вымѣлены, а сусѣки-то пусты... Весь хлѣбъ въ людяхъ; а отдачу-то вашу мы знаемъ: подожди, да помилуй, а сами въ кабакъ, да въ кабакъ...

— Отстанъ-ко, Поликарповна, возражаетъ осердившаяся сосѣдка. — Кѣмъ вы сыты-то и

самъ-дѣлѣ, какъ не нами? Какъ бы не было экихъ-то пьяницъ, какъ мой разбойникъ, не было бы и у тебя пятистѣнной избы... Чей хлѣбъ-то ѣдите? все мірской... Дашь пудъ, а наровишь два приполону взять... Кабакъ-отъ съ эстоль не съѣсть, что вы, міроѣды...

— Ну, а коли мы міроѣды, такъ и ступай съ Богомъ: нѣтъ у насъ про тебя...

— Такъ не дашь?

— Поищи у другихъ, коли мы твоимъ сыты: намъ твоего не надо...

— Такъ не дашь? пристаешь сосѣдка, уже совсѣмъ готовая огрызнуться.

— Нѣту, нѣтъ... И давно тебѣ говорю: нечего тебѣ къ намъ и ходить: добука-то мнѣ твоя давно ужъ надоѣла... Отъ тебя только и рѣчей, что дай да подай, а замѣсть спасибо-то одна твоя ругань... Ступай съ Богомъ...

— Такъ не дашь?

— Нѣту... Что пристала: точно за своимъ добромъ. И большаку не велю тебѣ давать... Вотъ что... Ты сначала старые-то долги отдай... А то — міроѣды!.. И впрямь точно за своимъ пристала... Міроѣды! Ступай, ступай... Тебя не кто кликнулъ: сама пришла... Нѣтъ про тебя ничего... Ступай...

— Да я уйду... Уйду да и не приду... Наплевать вамъ... А мотри, на повой звать будешь—и на повой не приду.

— Ну, Богъ милостивъ, стары ужъ мы съ тобой...

— Дочь, matka, молодая: смотри, къ масля-

ной-то, замѣсть блиновъ, кашу крестильную варить будешь...

— Что ты, злой духъ...

— Ничего, здорово живешь... Послѣ вспомнишь...

Сосѣдка быстро скрылась, хлопнувши за собой дверью.

Матрена Поликарповна задумалась: можетъ, та и со зла сбрехнула, а, можетъ, и шла съ тѣмъ, чтобы рассказать, что люди прознали, да о чемъ слухъ недобрый пошелъ. Сторонніе люди всегда прежде досматривать, да спознають: отецъ съ матерью всегда послѣ людей. Матрена Поликарповна знала эту практическую истину.

— Эка я, думала она,—дать бы ей пудъ-то муки, куда бы ужъ ни шло, да разспросить бы путемъ обо всемъ... Хоть бы узнала, что люди говорятъ: какъ и съ кѣмъ... Сама дѣвка не скажетъ!.. пожалуй, спрашивай... А послѣ придетъ время и плачься съ ней... Вотъ говорила отцу, пора дочку замужъ. Вотъ такъ и есть... Нѣтъ, надо ему сказать: пускай скорѣй жениха ищетъ...

Во время разговора съ сосѣдкой ни дочери, ни мужа не было дома: они были въ полѣ; Матрена Поликарповна домовничала одна, и ей была полная свобода обсудить все дѣло и обдумать: что нужно предпринять въ виду недобрыхъ слуховъ. Она была женщина умная, толковая и съ характеромъ. Жизнь въ довольствѣ помѣшала развиться въ ней сварливости и бранчивости, которыя составляютъ почти общее

свойство деревенской бабы, вѣчной жертвы нужды, заботы и чрезмѣрныхъ трудовъ. Напротивъ, Матрена Поликарповна держала себя очень степенно, говорила всегда резонно и умѣренно, любила очень почетъ и возмущалась только тогда, когда его ей не оказывали. Она была большая охотница давать совѣты и чувствовала особенное расположеніе къ тѣмъ, кто ихъ просилъ у нея и выслушивалъ. Обо всякомъ дѣлѣ любила она разсудить всесторонне и обстоятельно. Въ отношеніи къ мужу она была вѣрная, преданная жена, къ дочери добрая, благоразумная мать; но любила, чтобы все дѣлалось по ея волѣ и умѣла всегда настоять на своемъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что Дмитрій Петровъ, человѣкъ торговый, мало жившій дома, занятый и поглощенный исключительно одною заботою о стяжаніи, все домашнее хозяйство, весь распорядокъ въ домѣ охотно предоставилъ въ распоряженіе жены, такъ что она собственно была главою въ домѣ. Помогая мужу въ торговлѣ, ѣздя съ нимъ по базарамъ, сталкиваясь со множествомъ разнаго народа, она умѣла различать людей, знала, какъ съ кѣмъ себя повести и о чемъ съ кѣмъ говорить. Въ себя и свой умъ она очень вѣрила, и имѣла при этомъ характеръ настойчивый: что обдумывала, на что рѣшалась—къ тому шла неуклонно и считала обязанностью поставить на своемъ.

— Надо разузнать, съ кѣмъ Танюха слюбилась, коли правду люди говорятъ! думала она сама съ собою.—Если парень тихій, покладливый,

можно и приязнить—въ домъ взять. Ну, а ужъ если шалыганъ какой, гуляка, да больно бойкій, пускай не прогнѣвается, ни въ жисть не отдамъ за такого: не въ чужой же домъ отдавать намъ дочку: она у насъ одна, какъ перстъ, другихъ дѣтей нѣтъ, ну, а и въ свой домъ взять экого—Богъ съ нимъ, намаешься! Да и Танюхъ съ ея правомъ надо мужа смирнаго, покладливаго; а то на ея характеръ, да какого озорного взять—у нихъ поножовщина будетъ.

Разсудивши такимъ образомъ, Матрена Поликарповна тотчасъ же отправилась собирать справки. Немного ей нужно было употребить хитрости въ разговорѣ съ сосѣдками, чтобы навести ихъ на интересовавшій ее вопросъ и узнать всѣ подробности, извѣстныя деревнѣ о любовныхъ похожденияхъ дочки. Имя Ильипитерца очень разстроило Матрену Поликарповну.

— Ну, дочка, выбрала же хвата, думала она про себя.—Что ни на есть первый плуть и озорникъ на всю деревню... Да хоть бы ужъ съ холостымъ-то, а то, ну-ка, съ женатымъ... Эка срамница, экой озоръ-дѣвка... Что ты тутъ прикажешь дѣлать!?

Какъ только воротилась Татьяна съ поля, мать отозвала ее въ свѣтелку.

— Честъ цѣмъ поздравить, дочка милая! сказала она, церемонно сжимая губы и слегка кланяясь.

— Съ чѣмъ, матушка, поздравляешь-то? бойко спросила Татьяна.